

Н. Н. Чебоксаров

К ЭТНИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ ЮЖНОГО КИТАЯ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ПРОВИНЦИИ ГУАНДУН)

Памяти старшего товарища и дорогого друга — Георгия Францевича Дебеца — посвящает автор настоящую работу

Этническая антропология стран зарубежной Азии, в частности Китая, всегда входила в широкий круг научных интересов Г. Ф. Дебеца. Многих вопросов, связанных с этой темой, он касался еще в своих довоенных работах, посвященных древней краниологии Сибири¹. Работая над антропологией Китая, автор настоящей статьи постоянно обращался за консультацией к Г. Ф. Дебцу и всегда получал от него ценные советы, которые во многом помогли разобраться в сложной истории расового состава населения всей Восточной Азии². В 1945 г. вместе с М. Г. Левиным и автором настоящей статьи Г. Ф. Дебец руководил массовым антропологическим обследованием японцев, результаты которого были опубликованы значительно позднее³. В 1947 г. Г. Ф. Дебец в разных пунктах советского Дальнего Востока изучал корейцев — уроженцев Северной Кореи⁴. В приложении к капитальной монографии по этнической антропологии Камчатской области, где были опубликованы эти материалы, он поместил таблицу краниологических данных о народах зарубежной Азии (включая северных и южных китайцев, тибетцев, корейцев и японцев); несмотря на то, что таблица эта была составлена по литературным источникам, она и в наши дни остается одной из лучших сводок по краниологии современного населения Китая и соседних стран⁵.

Перу Г. Ф. Дебеца принадлежит несколько содержательных научно-популярных очерков по этнической антропологии Передней и Южной

¹ Г. Ф. Дебец, Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита, «Русский антропологический журнал», 1930, т. 19, вып. 1—2; его же, Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя, «Антропологический журнал», 1932, № 2; ср. его же, Палеоантропология СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. IV, М., 1949, стр. 42, 43, 53—83, 119—151, 199—214.

² Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении китайцев, «Сов. этнография», 1947, № 1; его же, Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. II, М., 1947, стр. 24—73.

³ М. Г. Левин, Этническая антропология Японии, М., 1971, стр. 3, 4.

⁴ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XVII, М., 1951, стр. 8.

⁵ Там же, стр. 242—245.

Азии, опубликованных в сборнике «Происхождение человека и древнейшее расселение человечества» (1951), а также в томах серии «Народы мира»⁶. Большое значение для систематики рас зарубежной, в частности Восточной и Юго-Восточной Азии, имела также составленная Г. Ф. Дебецем карта «Человеческие расы мира» с объяснительным текстом к ней, который представляет собой оригинальный исследовательский этюд⁷. В 1964—1966 гг. Г. Ф. Дебеч собрал богатейшие полевые материалы по антропологии Афганистана, охватившие 49 локальных групп различных иранских, тюркских и других народов. Материалы эти были опубликованы в специальных брошюрах и в журнале «Советская этнография», а затем доложены на VIII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Токио в сентябре 1968 г.⁸ После возвращения из Афганистана Г. Ф. Дебеч продолжал оказывать автору настоящей статьи всемерную дружескую помощь в его работе над проблемами этнической антропологии Восточной и Южной Азии и вместе с ним собирался продолжить начатые в 1964 г. полевые исследования в Индии⁹. Неожиданная смерть помешала этим планам Георгия Францевича.

Материалы, положенные в основу предлагаемой работы, были собраны нами во время работ весной 1958 г. Гуандунской этнографо-антропологической экспедиции. По принятой советскими антропологами расово-антропологической программе были обследованы восемь локальных популяций: 1) китайцы (хань) группы кэцзя уезда Ляньнань на севере Гуандуна; 2) китайцы окрестностей г. Гуанчжоу; 3) китайцы о. Хайнань (в районе городов Санья и Тунчжа); 4) хуэй Гуанчжоу; 5) хуэй Хайнаня, по происхождению связанные с чамаи Индокитая; 6) яо уезда Ляньнань; 7) мяо о. Хайнань и 8) ли того же острова¹⁰.

Кэцзя (хакка), считающие себя потомками переселенцев XIV—XVI вв. из бассейна Янцзы, говорят на особом диалекте, близком к китайским диалектам группы гань. Китайцы и хуэй Гуаньчжоу пользуются диалектом, принадлежащим к южнокитайской группе юэ, а китайцы и хуэй Хайнаня — диалектом Амоя (Сямыня), входящим в другую группу южнокитайских диалектов (минь)¹¹. У хайнаньских хуэй, кроме того, сохраняются следы языка чамов, входящего в индонезийскую группу аустронезийской семьи. Яо Ляньнаня и мяо Хайнаня пользуются диалектами языковой группы мяо-яо, которую многие лингвисты сближают с мон-кхмерскими языками. Интересно, что язык хайнаньских мяо близок не к диалектам других групп мяо, а скорее к диалектам яо. Язык ли, наконец, относится к тайским (чжуан-дунским). Так как в формировании южнокитайских диалектов групп юэ и минь прослеживаются некийские субстратные элементы, унаследованные от аборигенных народов юга Восточной Азии, а мяо-яоские и тайские языки (в частности, язык ли) обнаруживают связи с мон-кхмерскими и индонезийскими языками, то весьма вероятно, что в глоттогенезе всех диалектов Гуандуна (и Южного

⁶ Г. Ф. Дебеч, Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XVI, М., 1951, стр. 355—370; его же, Антропологический состав населения Южной Азии, «Народы Южной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1963, стр. 45—50.

⁷ Г. Ф. Дебеч, Человеческие расы мира (карта). Расовый состав мира (текст), «Атлас народов мира», М., 1964, стр. 8—9, 118—123.

⁸ Г. Ф. Дебеч, Антропологические исследования в Афганистане, «Сов. этнография», 1967, № 4; G. F. Debetz, Recherches anthropologiques en Afghanistan, VIII Congrès international des anthropologues et des ethnologues (Tokyo, September, 1968), М., 1968.

⁹ N. N. Cheboxarov, A. A. Zoubov, Essential problems of India's ethnical anthropology, «XXVIII International congress of orientalisks (Canberra, January, 6—12, 1971)», М., 1970.

¹⁰ И. и Н. Чебоксаровы, Полевые этнографические работы в Китайской Народной Республике (1957—1958), «Сов. этнография», 1959, № 5.

¹¹ М. В. Софронов, Лингвистические проблемы в китайском обществе, «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 1.

Китая в целом) значительную роль играл южноазиатский, или аустрийский (в широком смысле слова) субстрат¹².

Очевидная для всякого, кто побывал на юге Китая, принадлежность населения Гуандуна к тихоокеанским монголоидам¹³ непосредственно вытекает из характерного для всех обследованных нами популяций сочетания таких общемонголоидных признаков: как преобладание тугих и прямых волос, слабое развитие третичного волосяного покрова, уплощенность лицевого скелета, сильное выступание скул, узкий или средний разрез глазных щелей, часто приподнятое положение их наружных углов, значительное развитие эпикантуса и складки верхнего века, невысокое, часто «расплывчатое» переносье и т. п. со сравнительно небольшой абсолютной шириной лица, очень сильной пигментацией волос и радужины глаз, тенденцией к широконосоности, альвеолярному прогнатизму, прохейлии и утолщенности губ. Однако эта общая характеристика не исключает необходимости более детального расового анализа различных этнических общностей населения Гуандуна. Такой анализ целесообразно вести, по крайней мере сначала, в пределах материалов, собранных нами в Китае в 1958 г., так как они обеспечивают возможность непосредственного сравнения отдельных групп, исследованных автором на протяжении небольшого отрезка времени по единой методике.

Вероятно, всем, кто будет внимательно рассматривать сводную таблицу, приведенную к нашей статье, бросится в глаза, что хуэй Гуанчжоу по многим расодиагностическим признакам высокой таксономической ценности занимают крайнее положение в амплитуде межгрупповых вариаций, часто заметно отличаюсь от других популяций Гуандуна. Так, у гуанчжоуских хуэй наиболее высок процент мягких волос, сравнительно сильно развита борода, максимально преобладание горизонтально расположенных глазных щелей, сравнительно слабо выражены эпикантус и складка верхнего века, наиболее значительны по гуандунскому масштабу горизонтальная профилировка лица, высота переносья, наклон осей носовых отверстий, доля их овальных форм, средний балл профиля верхней губы, минимальны оба носовых указателя, носо-бровное расстояние и толщина губ.

Все перечисленные особенности гуанчжоуских хуэй проще всего объяснить как результат внедрения в монголоидную расовую среду европеоидных компонентов. Это предположение тем более вероятно, что в состав южнокитайских хуэй еще в период династии Тан (VII—X вв.) вошли потомки от браков арабских иммигрантов с китайскими женщинами, к которым позднее (главным образом в XVII в.) примешались пришедшие с севера вместе с маньчжурскими войсками новые группы мусульман, несомненно включавшие европеоидные расовые компоненты¹⁴.

Некоторые морфологические особенности, ясно проступающие у гуанчжоуских хуэй, прослеживаются в менее выраженной форме также у их хайнаньских соплеменников. Так, для хуэй Хайнаня характерны такие признаки, как довольно большая доля мягких волос, повышенный по гуандунскому масштабу рост бороды; сравнительно слабо развитый эпикантус, максимальная среди обследованных нами популяций ширина глазных щелей, низкие носовые указатели (особенно при измерении высоты носа от переносья), малое носо-бровное расстояние, относительно большой наклон осей носовых отверстий. Все это может указывать на то, что в состав хайнаньских хуэй входили те же европеоидные компоненты,

¹² М. В. Софронов, Указ. раб., стр. 154.

¹³ Н. Н. Чебоксаров, Основные проблемы этнической антропологии Дальнего Востока, «Вопросы истории Советского Дальнего Востока», Владивосток, 1965, стр. 37—50.

¹⁴ И. и Н. Чебоксаровы, Указ. раб., стр. 127.

что и в состав хуэй Гуанчжоу. Главную роль в этом процессе сыграло, надо думать, переселение на Хайнань из Гуанчжоу отдельных групп мусульман, среди которых было много ахунов, знавших арабский язык и письменность; именно они стали у хайнаньских хуэй — простых рыбаков — служителями культа.

Вопрос о том, какие именно европеоидные компоненты вошли в состав гуандунских хуэй, вряд ли может быть полностью разрешен на базе одних только антропологических материалов, собранных нами на юге Китая. Несомненно, что среди арабских переселенцев танского периода преобладали южные европеоиды (меланохрои) с интенсивно пигментированными волосами и радужной глаз. К числу меланохроев принадлежали, вероятно, и более поздние европеоидные группы, проникшие в Гуандун с севера в XVII—XVIII вв. Можно предполагать, что они были аналогичны темным южным европеоидам, вошедшим в состав хуэй Северного Китая и дунган Средней Азии¹⁵.

Косвенным подтверждением этих гипотез является то, что европеоидные черты в облике гуандунских хуэй не связаны со сколько-нибудь заметной тенденцией к депигментации. Интересно, что у хуэй Гуанчжоу найдены не только максимальные для гуандунских популяций средние баллы высоты переносья и поперечного профиля спинки носа, но также максимальные доли выпуклых форм этой спинки, опущенных оснований носа, высоких его крыльев, резко выраженных носовых борозд, часто сливающихся с носо-губными. Иными словами, у хуэй нередко встречается форма носа, известная в научной литературе под названием «арменонидной» и характерная для многих меланохройных популяций Восточного Средиземноморья, Кавказа, Передней и Средней Азии. А ведь именно из этих стран должны были первоначально выйти арабо- и ираноязычные группы, в конечном счете достигшие Китая и принесшие туда ислам. Отметим еще, что невысокий головной указатель хуэй Гуанчжоу (даже по сравнению с соседними хань), сближающий их с обследованными нами в 1945 г. дунганами шортюзинской группы на юге Казахстана, говорит о возможности участия в формировании хуэй как Северного, так и Южного Китая относительно длинноголовых европеоидов восточносредиземноморского (ориентального) облика, которые и в настоящее время широко распространены среди арабских и иранских народов¹⁶.

Для более детального определения расовой структуры гуандунских популяций целесообразно сравнить их по диагностическим признакам с китайскими студентами, обучавшимися в СССР, особенно с уроженцами южных и юго-восточных провинций Китая, в число которых входят и выходцы из Гуандуна¹⁷. При таком сравнении надо иметь в виду, что студенты и народы Гуандуна хотя и обследовались по одной методике, принятой московскими антропологами, но изучались разными лицами и в разное время (студенты — в 1925—1926 гг., а гуандунцы — в 1958 г.). Следует учитывать также различный возраст сопоставляемых серий; впрочем, возрастные различия не должны быть большими, если учесть значительное преобладание молодежи в большинстве гуандунских групп. Наконец, нельзя оставить без внимания и совершенно различный состав китайских студентов и обитателей Гуандуна: первые представляют собой сборные совокупности, включавшие людей, происходящих из

¹⁵ Н. Н. Чебоксаров, Дунганская экспедиция, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», III, 1947; его же, К антропологии Семиречья, Там же, XV, 1952.

¹⁶ См., например, Г. Ф. Дебец, Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии; его же, Антропологические исследования в Афганистане; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, М., 1971, стр. 112—119; М. Г. Абдушелишвили, Антропологический генозис аборигенного населения Кавказа, Сб. «Человек (эволюция и внутривидовая дифференциация)», М., 1972, стр. 226—232.

¹⁷ Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении китайцев, стр. 33.

различных, часто удаленных один от другого районов Китая, вторые же являются популяциями в точном смысле этого слова, так как состоят из уроженцев немногих соседних поселений, жители которых давно связаны между собой перекрестными браками.

Если учесть все эти обстоятельства, которые вполне могли обусловить некоторую методическую несравнимость в определении отдельных (главным образом описательных) признаков, все же будет очевидно большое сходство собственно китайских (ханьских) популяций Гуандуна с обучавшимися в СССР китайскими студентами из южных провинций. По многим важнейшим разграничительным признакам первого порядка гуандунские китайцы отличаются от уроженцев других южных провинций в том же направлении, как эти последние — от уроженцев более северных провинций. Так, у обследованных нами кэцзя, хань Гуанчжоу и Хайнаня по сравнению с южными группами студентов чаще встречаются мягкие волосы, интенсивнее развит третичный волосяной покров, во много раз выше процент черных глаз (№ 1 по схеме Бунака), слабее выражен эпикантус, уже и ниже лицо, выше носовой указатель, чаще встречаются круглые и «бобовидные» носовые отверстия, ниже кожная часть верхней губы, более утолщены губы. Иными словами, многие характерные особенности тихоокеанских монголоидов, отмеченные нами у южных китайцев вообще, выступают у гуандунских хань наиболее отчетливо. Географически и морфологически переходное положение южных монголоидов между восточными монголоидами и австралоидами, вряд ли объяснимое одной только метисацией тех и других, получает в наших гуандунских материалах новое фактическое обоснование¹⁸.

К тому же выводу о существовании постепенных и многообразных переходов между тихоокеанскими монголоидами и австралоидами приводит нас анализ расовых особенностей малых народов Гуандуна — яо Ляньнаня, мяо и ли Хайнаня. У всех этих популяций при общем южно-монголоидном облике прослеживаются определенные австралоидные черты. В наиболее концентрированном виде они выражены у ли и в несколько меньшей степени — у хайнаньских мяо. По сравнению со всеми остальными популяциями Гуандуна обе эти группы отличаются наименьшими вертикальными и широтными размерами лица, резкой абсолютной и относительной ширококонсостью, самым низким переносьем, плоским поперечным профилем спинки носа, наиболее поперечным расположением осей носовых отверстий, максимальной долей их круглых форм, выраженным альвеолярным прогнатизмом, нередко вздутыми губами. Все эти признаки, хорошо заметные даже при визуальном знакомстве с хайнаньскими мяо и особенно с ли, сочетаются у тех и других с сильно выраженной гипоморфностью, которая выражается в небольших абсолютных величинах почти всех диаметров головы и лица, в преобладании прямых форм лба, чрезвычайно слабым развитии надбровья, очень высокой доле вогнутых спинки носа, приподнятых кончиков и оснований и т. п.

Конечно, речь идет не о принадлежности малых народов Гуандуна к австралоидным расам, а только о выраженности у них некоторых австралоидных особенностей, которые сочетаются с общим южномонголоидным обликом. Для дальнейшего расового анализа гуандунских популяций и правильного понимания их переходных монголоидно-австралоидных черт большой интерес представляет сравнение наших серий с различными группами населения Центрального Вьетнама, обследованными вьетнамским антропологом Нгуен Динь Хоа, который проходил аспирантскую подготовку в МГУ под руководством Я. Я. Рогинского и в сборе

¹⁸ Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, стр. 139—146; А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Антропология и этнография о происхождении китайцев, «Расы и народы», 3, 1973, стр. 89—114; ср. также А. А. Зубов, Этническая одонтология, М., 1973, стр. 182—188.

Народы Гуандуна в сравнении с южными китайцами и некоторыми популяциями ДРВ

Признаки	Группы											Народы Вьетнама (Нгуен Динь Хоа)				
	Китайцы (Чебоксаров)			Народы Гуандуна (Чебоксаров)								кинъ	май	монг-конг	ван-кыеу	кхуа
	южные провинции	юго-го-сточные провинции	юго-за-падные провинции	китай-цы Лянь-наня (кэцзя)	китай-цы ок-рестно-стей Гуан-чжоу	китай-цы Хай-наня	хуэй Гуан-чжоу	хуэй Хай-наня	яо Лянь-наня	мяо Хай-наня	ли Хай-наня					
Число исследованных	136	230	125	105	105	109	103	54	112	57	122	213	130	125	161	176
Рост	163,6	162,9	165,0	162,8	163,2	162,7	162,0	163,5	157,5	158,1	161,3	158,3	152,5	155,6	155,7	157,4
Форма волос, % прямых	93,8	94,5	98,4	98,9	94,1	95,4	95,8	92,0	98,2	98,2	95,0	100,0	92,3	96,0	93,8	90,3
Цвет глаз, М (0—4)	2,05	2,01	2,02	2,01	1,90	1,49	2,00	1,96	2,03	1,81	1,44	2,35	2,40	2,24	2,68	2,53
Рост бороды, М (1—5)	1,25	1,23	1,10	1,41	1,38	1,41	1,35	1,74	1,37	1,48	1,25	1,28	1,05	1,02	1,03	1,03
Продольный диаметр головы	187,2	187,1	188,8	185,8	187,1	179,2	187,1	184,3	188,8	185,9	180,4	186,5	182,3	182,0	183,4	179,1
Поперечный диаметр головы	152,3	154,3	150,4	149,9	151,4	153,7	150,6	151,4	149,9	145,5	144,8	151,6	145,0	146,1	145,2	150,0
Головной указатель	81,8	82,6	79,5	80,8	81,0	85,7	80,6	82,2	79,4	78,4	80,4	81,3	79,6	80,6	79,4	83,6
Наименьшая ширина лба	106,1	107,0	105,7	105,9	107,8	103,2	105,9	105,6	106,6	104,2	101,3	106,0	104,1	104,9	105,4	107,3
Горизонтальная профилировка лица: М (1—3)	1,38	1,29	1,42	1,19	1,12	1,18	1,36	1,20	1,31	1,12	1,23	1,47	1,60	1,80	1,74	1,69
Физиономическая высота лица	184,8	187,4	181,7	183,0	188,6	185,7	188,8	188,8	187,5	181,0	183,7	183,7	174,1	180,1	181,61	179,6
Морфологическая высота лица	128,2	130,3	125,1	125,6	127,3	124,2	128,2	124,6	127,1	118,8	119,7	119,6	110,3	113,8	115,7	116,4
Скуловой диаметр	140,4	141,9	139,9	139,0	140,0	139,4	137,6	138,3	140,5	136,7	137,5	140,3	141,1	138,0	138,1	141,3
Физиономический лицевой указатель	76,1	75,9	77,0	75,6	74,4	75,3	73,0	73,6	75,0	75,5	75,0	76,4	81,3	76,8	76,2	78,9
Морфологический лицевой указатель	91,4	92,0	89,5	90,4	90,9	89,0	93,3	90,3	90,6	86,9	87,1	85,4	78,3	82,6	83,6	82,3
Нижнечелюстной диаметр	106,3	107,4	105,0	108,8	110,0	107,3	106,3	108,0	108,7	104,4	105,6	104,9	105,3	104,2	105,5	106,6
Эпикантус: % наличия	96,9	98,7	89,3	43,8	46,2	46,8	27,5	27,8	35,7	36,8	36,1	27,3	13,6	26,5	21,1	10,8
Эпикантус: М (0—3)	1,63	1,93	1,21	0,67	0,56	0,60	0,33	0,30	0,49	0,53	0,44	0,45	0,16	0,34	0,33	0,13
Складка века: М (0—3), Р	1,12	1,46	0,80	1,49	1,40	1,59	1,27	1,35	1,53	1,35	1,34	0,88	0,56	0,66	0,65	0,44
Складка века: М (0—3) D	0,75	1,06	0,55	1,62	1,53	1,69	1,49	1,50	1,82	1,69	1,49	1,14	0,67	0,72	0,69	0,54
Высота носа I	59,7	61,1	59,2	53,0	55,0	56,3	54,6	54,9	53,1	52,3	52,8	54,3	50,6	52,5	52,3	52,9
Высота носа II	—	—	—	46,3	47,4	46,8	48,0	49,0	46,3	43,4	43,6	47,6	43,8	44,9	46,2	46,3
Ширина носа	37,7	37,0	38,0	36,8	37,6	37,9	37,1	37,8	37,5	37,5	39,2	37,9	39,0	38,5	38,5	39,3
Носовой указатель I	64,0	61,4	64,3	69,7	68,8	67,8	68,1	71,1	71,1	71,9	74,4	69,9	76,8	73,7	73,7	74,5
Носовой указатель II	—	—	—	80,0	79,7	81,1	77,4	76,4	82,3	86,9	90,5	79,5	89,1	85,8	83,1	85,2
Высота переносия, М (1—3)	1,27	1,28	1,37	1,73	1,62	1,55	1,75	1,50	1,61	1,33	1,77	1,10	1,06	1,07	1,07	1,11
Общий профиль спинки носа, М (1—4)	—	—	—	2,09	2,04	1,94	2,35	1,91	1,94	1,79	1,72	2,16	1,63	1,69	1,87	2,46
Высота верхней губы	—	—	—	15,4	15,8	15,3	17,4	14,6	15,5	14,6	15,1	14,5	13,9	14,0	14,5	15,0
Толщина обеих губ	—	—	—	19,9	18,9	20,4	17,1	19,3	18,7	19,9	21,2	20,7	19,7	19,2	19,4	19,4

полевых материалов применял ту же методику, что и мы. Нгуен Динь Хоа собрал по полной программе московских антропологов материалы по нескольким территориальным группам: собственно вьетам (кинь), мыонгам, май, которые относятся к горным вьетам с сильно выраженными мон-кхмерскими элементами в языке и культуре, и трем мон-кхмероязычным популяциям — монг-конг, ван-кыеу, кхуа, входящим в группу бру¹⁹.

Нгуен Динь Хоа совершенно справедливо относит изученные им группы к южным монголоидам, но в то же время отмечает, что монголоидные особенности выражены у этих групп в разной степени и сочетаются с некоторыми австралоидными признаками. Наиболее монголоидными среди популяций Центрального Вьетнама оказались, как и следовало ожидать, вьеты, которые по общему расовому облику очень напоминают наши гуандунские группы, особенно малые народы Хайнаня. У май, монг-конг, ван-кыеу и в меньшей степени у кхуа австралоидные черты выражены более ярко как по сравнению с вьетами, так и по сравнению с гуандунскими популяциями, не исключая мяо и ли. Вместе с тем черты эти оказываются у малых народов Центрального Вьетнама как бы рассеянными: так, например, относительная широконосость наиболее выражена у май, ослабление эпикантуса и складки верхнего века — у кхуа, а тенденция к относительно сильной горизонтальной профилировке лица — у монг-конг. Такое мозаичное распределение важных диагностических признаков в морфологически и географически промежуточных популяциях наблюдается обычно в группах, расовый облик которых сложился не в результате метисации, а в самом процессе формирования первичных ареальных подразделений человечества.

Интересно подчеркнуть, что Нгуен Динь Хоа, говоря о сочетании у разных народов Вьетнама (и всей Юго-Восточной Азии) монголоидных и австралоидных черт, также склоняется к мысли о том, что комбинация эта не может быть объяснена только метисацией. «Таким образом, — пишет он, — можно предположить, что в раннем неолите (и тем более раньше) были широко распространены среди населения Индокитая различные переходные формы, от которых могли произойти гораздо раньше, с одной стороны, веддо-индонезийцы и другие „негроавстралоидные“ формы, с другой же — южные варианты монголоидного типа, сохранившиеся до нашего времени в составе аборигенов различных областей этой территории»²⁰. Не останавливаясь подробно на сложной проблеме происхождения переходных монголоидо-австралоидных популяций Юго-Восточной Азии, отметим только, что ареал распространения этих популяций охватывает не только Индокитай (и Индонезию), но и весь Южный Китай между Циньлином и Южно-Китайским морем²¹.

Высказываясь в пользу гипотезы о древних генетических связях между монголоидами и австралоидами, нельзя в то же время отрицать большой роли смешения между теми и другими в конкретной истории расового состава населения Китая и соседних стран. Можно с высокой степенью вероятности предполагать, что большая монголоидность китайцев Гуандуна по сравнению с малыми народами этой провинции объясняется тем, что в состав первых в значительном количестве вошли восточномонголо-

¹⁹ Нгуен Динь Хоа, Антропологический состав некоторых этнических групп Центрального Вьетнама, Автореферат канд. дис., М., 1963; Nguyen Dinh Khoa, Essai sur les caractéristiques anthropologiques des Viet, «*Nghiên cứu lịch sử*» (Études historiques), № 113, 1968, стр. 52—61; его же, Composition ethnique de quelques groupements minoritaires de la Haute Région de Quang-binh, Там же, № 121, 1969, стр. 41—49; его же, De la relation Viet-Muong basant sur les documents anthropologiques, Там же, № 125, 1969, стр. 47—59 (три последние работы — на вьетнамском яз.).

²⁰ Нгуен Динь Хоа, Антропологический состав некоторых этнических групп Центрального Вьетнама, стр. 9.

²¹ А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 108, 109.

идные группы, передвижение которых из бассейна Хуанхэ к югу началось, вероятно, еще во II тысячелетии до н. э. Большая же австралоидность хань Гуандуна по сравнению со всеми другими группами китайцев, исследованными советскими антропологами, зависит, надо думать, от того, что в их состав вошло китаизированное аборигенное население, которое могло быть в глубокой древности источником формирования как австралоидных, так и монголоидных рас и в дальнейшем сохранило в рассеянной форме австралоидные признаки.

Если принадлежность всех исследованных нами популяций Гуандуна к тихоокеанским монголоидам (с европеоидной примесью у хуэй) не вызывает никаких сомнений, то разграничение в Южном Китае их северных и южных групп оказывается очень затруднительным и условным. Конечно, малые народы Гуандуна, в особенности ли и хайнаньские мяо, могут считаться характерными представителями южноазиатской переходной расы, связывающей монголоидов с австралоидами. Однако у ляннаньских яо и всех групп гуандунских хань, не говоря уже о хуэй, особенно этой расы выражены слабее и наблюдается переход к восточным монголоидам, признаки которых с максимальной яркостью выражены, как мы знаем, у населения Северного Китая, Маньчжурии и Корен. По сравнению с аборигенами Гуандуна, их китайские соседи представляются восточномонголоидными, тогда как, по сравнению со своими более северными соотечественниками, сами хань Южного Китая выглядят южномонголоидными, визуально часто напоминая вьетов, малайцев и другие народы Индокитая и Индонезии. По существу весь Китай к югу от водораздела между Хуанхэ и Янцзы представляет собой обширную зону постепенного и мозаичного перехода от северной ветви тихоокеанских монголоидов к их южной ветви, которую в свою очередь надо рассматривать как географический и морфологический мост от монголоидов в целом к австралоидам²².

Попробуем теперь определить место, занимаемое популяциями Гуандуна, среди тихоокеанских монголоидов Южного Китая и соседних стран. Сравнивая исследованных нами в 1958 г. китайцев Ляннаня, Гуанчжоу и Хайнаня со студентами (обучавшимися в СССР в 20-х гг.) из юго-восточных и юго-западных провинций Китая²³, видим, что по одним признакам ханьские популяции Гуандуна приближаются к юго-восточной сборной студенческой группе, а по другим — к юго-западной (см. таблицу). Первое положение справедливо, например, для роста, продольного диаметра головы, нижнечелюстной ширины, горизонтальной профилировки лица, положения кончика и основания носа, а второе — для поперечного диаметра головы, головного указателя, скуловой ширины, физиономической и морфологической высоты лица, обоих лицевых указателей, высоты носа, носового индекса, степени развития эпикантуса, наклона лба, выраженности надбровья, высоты переносья, степени наклона осей носовых отверстий.

Создается, таким образом, впечатление, что китайцы материковой части Гуандуна по общему расовому облику занимают промежуточное положение между своими юго-восточными и юго-западными соотечественниками, приближаясь все же по большинству диагностических признаков ко вторым несколько больше, чем к первым. На такое направление расодиагностических связей указывает, в частности, сочетание у кэцзя, хань и хуэй Гуанчжоу невысоких головных индексов, низкого и узкого лица, ослабленного эпикантуса, повышенного переносья и сравнительно хорошо моделированной спинки носа. Комбинация эта характерна для восточ-

²² Там же, стр. 95.

²³ Материалы об этих сборных группах в сжатом виде публикуются в настоящей статье впервые.

ногималайского расового типа, выделенного автором у китайцев Сычуани и Юньнани, а также у соседних с ними тибето-бирманских народов, в первую очередь у ицзу (носу). Вместе с тем значительная уплощенность лица и сильное выступание скул в сочетании с брахикефалией сближают хань и хуэй Хайнаня (а отчасти и окрестностей Гуанчжоу) с популяциями восточных провинций КНР (Цзянси, Аньхой, Цзянсу), в которых преобладают относительно короткоголовые монголоиды, близкие к расовым типам «таи-малайской» группы²⁴. Наличие в составе китайцев Гуандуна различных монголоидных компонентов не должно нас удивлять, так как по своему происхождению ханьское население этой провинции гетерогенно: оно включает потомков ранних переселенцев с севера циньского и ханьского периодов (III в. до н. э.— III в. н. э.), сильно смешанных с абортинными боюэ, говорившими на тайских языках, а также гораздо более поздних (средневековых) выходцев из бассейна Янцзы и Ганьцзяна (кэцзя) и из района Сямыня на юге Фуцзяни (большинство хайнаньских хань)²⁵. Надо также иметь в виду, что крайняя брахикефалия хайнаньских хань, по крайней мере частично, может быть объяснена искусственной деформацией головы у детей (по собственным наблюдениям автора).

Из национальных меньшинств Гуандуна очень своеобразными расовыми особенностями обладают ляннаньские яо. При общем южномонголоидном облике они отличаются от соседних китайцев (кэцзя) заметно более низким ростом, большим продольным диаметром и соответственно пониженным головным указателем, резко профилированным в горизонтальном направлении лицом и менее выступающими скулами, ослабленным эпикантусом, несколько более высоким носовым индексом, большим процентом выпуклых спинков носа, более горизонтальным расположением его основания и кончика. Все эти признаки сближают яо с восточнымалайским расовым типом юго-западных китайцев и ицзу, обладающим некоторыми «американоидными» чертами. В сравнении с ляннаньскими яо (также в сравнении со всеми группами хань и хуэй) национальные меньшинства Хайнаня — ли и мяо — характеризуются при ярко выраженном южномонголоидном облике общей гипоморфностью, очень малыми абсолютными размерами всех диаметров головы и лица, мезокефалией, абсолютной и относительной широконосостью, частым поперечным расположением ноздрей и круглой их формой, резко выраженной прохейлией, утолщенными губами. Из всех исследованных нами популяций Гуандуна ли и мяо оказываются наиболее «австралоидными». Характерные для них относительно длинноголовые и широконосые южномонголоидные компоненты с австралоидными чертами входят, очевидно, в обширную группу типов, распространенную у многих других народов Южного Китая (например, у гаошань о. Тайвань), а также Индокитая, Индонезии и Филиппин. Для обозначения этой обширной группы типов часто используется термин «индонезийская раса», который мы находим, например, у Оливье, Ха Ван Тана и Нгуен Динь Хоа. Ввиду того, что термин «индонезийский» часто употребляется в этноязыковом или политическом смысле, автор настоящей работы предложил назвать ту же группу расовых типов «филиппино-индонезийской»²⁶.

Очевидно, что сложность популяционно-расовой структуры населения Гуандуна (как и Южного Китая в целом) отражает сложность его этни-

²⁴ Н. Н. Чебоксаров, Антропологический состав населения, «Народы Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М.—Л., 1965, стр. 81—85.

²⁵ И. и Н. Чебоксаровы, Полевые этнографические работы в Китайской Народной Республике, стр. 126, 127; Р. Ф. Итс, Этнографическая история юга Восточной Азии, Л., 1972, стр. 181—190; М. В. Софронов, Указ. раб., стр. 154—156.

²⁶ G. Olivier, Sur la classification anthropologique des Indonésiens d'Indochine, «Congrès de l'Association Française pour l'Avancement de Sciences», Luxembourg, 1953; Ha Van Tan, On the problem of Indonesian type in the primitive age in Vietnam, Hanoi, 1962.

ческой истории. При многовековом продвижении из области своего формирования в бассейне Хуанхэ в южном направлении китайцы (хань) впитывали значительное количество монголоидно-австралоидных расовых компонентов, преобладавших среди древних аборигенных племен, говоривших, как и их современные потомки, на тайских, мяо-яоских, мон-кхмерских и индонезийских языках. Эти языки, по новейшим лингвистическим данным, обнаруживают генетическое родство друг с другом и могут быть вместе со сходными языками Индокитая, Северо-Восточной Индии, Индонезии, Филиппин и Океании объединены в «аустрическую» макросемью²⁷. «Несмотря на большое хозяйственно-культурное и антропологическое разнообразие народов, говорящих на различных языках этой семьи, все они (кроме индийских и океанийских этносов) могут быть включены в юго-восточноазиатскую историко-этнографическую провинцию и оказываются сопряженными с южномонголоидными популяциями, которые относятся к нескольким расовым группам: филиппино-индонезийской, таи-малайской, отчасти также к восточномалайской и др. Южный Китай вплоть до его «китаизации», завершившейся (и то не полностью) только в конце средних веков, также относился к юго-восточноазиатской историко-этнографической провинции. Вполне понятно поэтому, что большинство южнокитайских (в частности, гуандунских) ханьских популяций гораздо больше напоминают соседние с ними некитайские народы, чем своих соотечественников из более северных районов КНР»²⁸.

Используя полученные нами данные и учитывая палеоантропологические материалы позднего палеолита, мезолита, неолита, бронзового и железного веков, можно констатировать, что расовая неоднородность как самих китайцев, так и соседних с ними некитайских народов Восточной Азии непрерывно увеличивалась с глубокой древности до наших дней вследствие миграций и этнических контактов, которые всегда сопровождались биологической метисацией. Расселение китайцев и родственных им по происхождению тибето-бирманских народов было связано главным образом с расширением ареала восточных монголоидов в южном направлении вплоть до Индокитая, а в новейшее время и еще дальше — до Малайзии и Индонезии. На всей этой огромной территории (включающей и Гуандун) восточномонголоидные популяции взаимодействовали с различными группами южных монголоидов, на основе которых формировались и расселялись тайские, мяо-яоские, мон-кхмерские и индонезийские этносы, игравшие очень значительную роль в социально-экономической, этнокультурной и популяционно-расовой истории всего населения Южного Китая, включая самих китайцев. Огромное морфологическое, одонтологическое, дерматоглифическое и серологическое сходство южных китайцев с их некитайскими соседями отражает этот длительный исторический процесс, сопровождавшийся постоянными контактами между популяциями разного происхождения²⁹. Недаром Г. Ф. Дебеч, обладавший острым научным предвидением, на упомянутой выше карте «Человеческие расы мира», опубликованной еще в 1964 г., отнес большую часть Южного Китая, а также весь Индокитай, Индонезию, Филиппины, Японию, Микронезию и Полинезию к зоне распространения переходных форм между монголоидными и океанийско-экваториальными (по нашей терминологии, «австралоидными») расами³⁰.

²⁷ С. Е. Яхонтов, Глоттохронология и китайско-тибетская семья языков, «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», М., 1964.

²⁸ А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 108.

²⁹ Там же, стр. 109.

³⁰ Г. Ф. Дебеч, Человеческие расы мира (карта).

TO THE ETHNIC PHYSICAL ANTHROPOLOGY OF SOUTHERN CHINA

(based upon field data from Kwangtung Province)

In his article dedicated to the memory of the prominent Soviet anthropologist G. F. Debets the author describes the raciomorphological peculiarities of eight populations of Kwangtung province in the South of China; the investigation was carried out in 1958. The small nationalities of this province, the Li and Miao of Hainan Island, as well as the Yao of Liennan District belong to the southern branch of the Pacific Mongoloids possessing some manifest Australoid features. The Han Chinese in the vicinity of Kuangchow and Hainan also belong to the Southern Mongoloids, but in their composition some Eastern-Asiatic components can be traced; these have penetrated to the south of China from its north, from the basins of the Hwang Ho and Yangtze rivers since the beginning of our era. The Hwei of Kwangchow are very close to their Han Chinese neighbours but differ from them in having a strong Europeoid admixture ascending to Arab and probably Iranian mediaeval migrants. Among the Hwei of Hainan an Europeoid admixture is also present, but much stronger are the Southern Mongoloid peculiarities stemming from the Chams who migrated to Hainan several centuries ago. On the whole, the racial composition of the population of Kwangtung reflects its complicated ethnic history in which a great role was played by the aboriginal peoples of this area speaking languages of the Thai and Miao-Yao branches.
